

The background of the book cover features a dramatic sunset or sunrise scene. The sky is filled with dark, heavy clouds, through which a bright, golden light emanates, creating a strong contrast. Silhouetted against this light are the intricate, bare branches of trees, some in the foreground and others extending into the distance. The overall mood is somber and atmospheric.

БЕРТА РОКАВИЛЛИ

**МЕСЯЦ
ДО АРМАГЕДДОНА**

РАССКАЗЫ

Берта Рокавилли

Месяц до Армагеддона. Рассказы

«Издательские решения»

Рокавилли Б.

Месяц до Армагеддона. Рассказы / Б. Рокавилли —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744435-8

Лёгкая, но отнюдь не бездумная проза, наполненная не всегда политкорректным юмором и затрагивающая самые насущные проблемы повседневности — начиная с отношений внутри семьи и заканчивая «проклятыми» вопросами, столетиями волнующими русскую интеллигенцию. Герои рассказов Берты Рокавилли ищут, любят, страдают, но главное — мыслят, и понятия добра и зла для них — не пустые категории.

ISBN 978-5-44-744435-8

© Рокавилли Б.
© Издательские решения

Содержание

Месяц до Армагеддона	6
Ассоль с Чистых прудов	16
Златоглазый сосед	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Месяц до Армагеддона Рассказы

Берта Рокавилли

© Берта Рокавилли, 2018

ISBN 978-5-4474-4435-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Месяц до Армагеддона

*Из забывших меня можно составить город.
<...> Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забрили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.*

И. Бродский

«Сегодня, 1 ноября, температура на семь градусов превысит климатическую норму, осадков не ожидается, но гарантирован штормовой ветер», – сообщил радостный голос по радио. Зазвучала старая, плохая и почему-то очень любимая караошниками песня, похожая на поток укуренного сознания. Денис Мышкин посмотрел в окно. Дождь лил, как в кино, когда просто направляют в камеру струю воды из поливальной машины, не сильно заботясь о том, насколько правдоподобно это выглядит. При сильном ветре от такого дождя не спасут ни зонтики, ни капюшоны.

– Всё-таки есть плюсы и в безработице! – Мыш постарался найти в ситуации позитив.

О том, что на декабрь намечен всесветный апокалипсис, Мыш узнал еще на Новый год, под бой курантов, и тогда же решил, что обязательно успеет реализоваться в профессии, осуществит свою мечту увидеть океан и, конечно, найдет свою вторую половинку. Впрочем, всё это следовало бы сделать и так, без апокалипсиса, – все-таки сорок лет, не шутка, однако приближающийся к Земле астероид стимулировал. Подыхать в одиночестве не хотелось. Но вместо осуществления всех этих радужных планов произошла шумная и матерная ссора с директором, который выгнал его без выходного пособия, как шелудивого пса, а без постоянной работы, понятное дело, ни моря-океаны, ни вторые половинки в руки не идут.

Началось с кризиса и так называемой оптимизации расходов, которая тупо вылилась в сокращение штата. И тогда Мышкин сказал боссу при свидетелях, что в Японии не начинают с увольнения рядовых сотрудников – япошки считают, что не бывает плохих солдат, бывают лишь плохие генералы. Когда компания оказывается в анусе, первый, кому урезают зарплату, – её президент. Если ситуация еще ухудшится, он уходит в отставку. Босс не был виртуозом риторики и ответил грубо. Ну, и Дэн тоже молчать не стал, после чего пришлось узнать на собственном опыте, что такое центр занятости.

Мыш попробовал было обратиться к старым друзьям насчет вакансии, но те, кто еще вчера был готов пойти ради дружбы в огонь и воду, вдруг как-то все разом сделались домовитыми и необщительными куркулями, а из вакансий могли предложить лишь должность курьера или водителя. Если же учесть, что о разносторонних талантах и обширной эрудиции Дэна они были осведомлены, то выглядело это как минимум оскорбительно. Обидевшись на весь свет, Мышкин заделался надомником – тем самым, который со временем забывает, как бриться и пользоваться столовыми приборами, и чья работа считается концом всякой карьеры. Интернет дал не только хлеб, но новый круг общения, и Дэн махнул рукой: «Какая разница? – логично подумал он. – Если Армагеддон в декабре, не всё ли равно, кем я буду оставшиеся полгода?»

С тем фактом, что из списка пришлось вычеркнуть две большие мечты, заставило смириться интересное знакомство в соцсети. Началось с комментариев к фильму про любовь и нелюбовь. В других обстоятельствах Мыш его просто не посмотрел бы, но в этот раз «друг» не пригласил его на День рождения с любопытным объяснением:

– У меня и так 16 человек гостей, очень важных людей, один из которых – босс, которого ты послал в известное место. Я подумал, что если еще и тебя приглашать... Короче, табуреток не хватит. Ты же не обидишься?

В самом деле, человек, от которого отвернулась удача, не должен на это обижаться – дружить с ним опасно, невезение заразно. Толстой говорил, что когда тебя предали – это всё равно, что руки сломали. Простить можно, но вот обнять уже не получится. Мышкин завидовал Толстому: тот хотя бы прощать умел, а у Дэна от обиды всё кипело внутри:

– Двадцать пять лет ты спотыкался, а я тебя поднимал. Но когда я споткнулся, ты отошел в сторонку, чтобы подождать, когда я поднимусь сам, снова стану сильным и целеустремленным, снова стану тебе полезен, – такие слова Мыш проговаривал в уме, надеясь высказать их так называемому лучшему другу, но тут же и понимал, что никогда этого не скажет – для него это было то же самое, что прилюдно плакать. Не раз случалось, что ему не давал покоя поступок, которого не совершил, а надо было. Жгли невысказанные слова. Но он никогда не выяснял отношения, даже с женщинами, что уж говорить про оказавшегося крысой мужика. Надо просто плюнуть и забыть о нем. Но похожая на медвежий капкан память Дэна никогда ничего не отпускала, а потому он напился в зюю и с удовольствием посмотрел отличный сериал. Так что он был в теме и ему было что обсуждать в женском сообществе «ВК».

– Муж, который убивает драконов, когда его жена не удовлетворена физически, заслуживает и рогов, и два раза по сопатке, – писала с соблюдением всех знаков препинания некая Крыся с удачной фоткой на аватарке, где она нежно прижимала к себе кота.

«Я бы с такой замутил! – подумал Мыш. – Опечатка, наверное. Надо – Кыся. На котов расточают свою любовь те, у кого ее в избытке».

– Партнер должен быть один – первый и он же последний, – отвечала ей юная максималистка с мультяшным лицом.

– Да что вы говорите! То есть если вам попалась обувь с торчащим гвоздем, надо носить ее до самой смерти, а поменять – грех!

Мыш, по разным причинам не прижившийся у трех жен, очень хорошо понимал, что она имеет в виду, и вступил в дискуссию. Кто-то с ДиКаприо на аватаре заговорил о том, что мужики так любят убивать виртуальных драконов потому, что в реальной жизни не в состоянии прикончить даже курицу. И, кстати, для баб это совсем не проблема.

– Да! – не стала стыдливо сворачивать дискуссию девушка с котиком. – Женщина, хотя бы раз делавшая аборт, убьет кого угодно – хоть курицу, хоть мужа – после этого никого не жалко. Даже себя. И то, что подобные решения женщины, как правило, принимают самостоятельно, тоже не делают чести современным рыцарям, которые в сети обсуждают, сколько они злодеев победили и королевств завоевали. Особенно печально то, что некоторые девушки всерьез верят себя этим инфантильным недоумкам, искренне полагая, что он – поддержка и опора.

Позже на «Гомофобе» они поговорили о либеральных ценностях: «Содомия – мерило демократии! Организация тех, кто любит сзади, уму непостижимо! Это как организовать сообщество тех, кто занимается любовью, не снимая носков, – да кому какое дело?! Разве это то, о чем следует говорить в приличной компании?» Троллям она неизменно вежливо отвечала: «Ваша манера ведения дискуссии контрпродуктивна. Вместо аргументов вы используете оскорбления», чем вводила их в долгий ступор. Но больше всего ему понравился ее пост на злободневную тему: «Судить об исламе по радикалам все равно, что судить о православии по черносотенцам, а о западном христианстве – по фашистам».

Еще будучи примерным офисным работником, Мыш прочел статью об избыточной квалификации – Крыся-Кыся являла собой ярчайший пример этого феномена. Видимо, в работе (если она работала) ее знания, логический аппарат и огромный словарный запас не были задействованы, и она от этого страдала. Она искала в сети собеседника, а ей отвечали смайликами и лайками, отчего она страдала еще больше – и Мыш решил стать для нее этим собеседником.

Всё лето он проторчал за компьютером, не выезжая не только на море, что вполне объяснимо, но и в ближайшее Подмосковье. Когда Крыся начала ему сниться, они пересеклись на форуме «Как хорошо мы плохо жили в СССР», и по тому, как она была осведомлена о реалиях советской действительности, сделал вывод, что девушка должна быть несколько старше, чем это видно на аватарке. Открытие повергло его в глубокую фрустрацию, и некоторое время он снова пребывал в «активном поиске», однако, случайно попав на обсуждение музыкального конкурса, снова зацепился с ней языками.

«Прошлогодня победительница – она как магнитофон, очень технично, очень хорошо, но мне этого недостаточно. Я люблю, когда поют с душой!» – писала уже другая максималистка, вовсе без лица, с одним только пейзажем, а девушка с котиком и советским прошлым ей отвечала:

«Только злобные и завистливые бездари могут говорить такое о финалисте (любом финалисте, даже не победившем!) Голоса. Так и в школе про хороших учеников плохие говорили: „За что им пятерки? Им же просто легко всё дается, а я вот, например, делаю всё с душой, а мне всего лишь тройка!“ Рожденные ползать любят учить летать. Это похоже на то, как художники-примитивисты противопоставляют себя старым мастерам: мол, там всё техника, мастерство, а у нас-то, блин, душа! Можно подумать, Рафаэль и Леонардо писали без души».

Мыш, знающий всё это по себе (в школе уроки не делал, в классе со слуха запоминал, а кругом все завидовали), в очередной раз вклинился в разговор, отгеснил девушку без лица и проторчал в чате до глубокой ночи. Осознав, что ему интересно общаться с Крысей вне зависимости от того, сколько этой особе лет, он заглянул на ее личную страничку, узнал, что она тоже москвичка, и прочел следующее:

*Когда ты счастлив, не хвались,
Столь хрупкий дар сохранней будет
Без всяких лайков. Берегись —
Любое чудо зависть губит.
Несчастен ты – не голоси,
Как потерпевший. Всё не вечно!
У Бога милости проси,
И боль не будет бесконечной.*

Чтобы соответствовать, разместил у себя на стене чужое, ворованное здесь же, в сообществе:

*Словно два магнита
жсопа и кровать,
трудно от кровати
жсопу оторвать, —*

и попросился в друзья. Она приняла. Приближалась самая красивая пора золотой осени, и Мыш уже надеялся пригласить ее на свидание, когда у него совершенно трагическим образом украли ноутбук.

– Вот, б***, никогда не жили по-европейски, и не х** начинать! Дома надо работать за компьютером, а не в кафешках! – отчитывал он сам себя, понимая бессмысленность сетований – это было всё равно что бить кулаками мебель, о которую ударился.

Вместе с этой потерей автоматически произошла и потеря всех контактов. Попытка войти «ВК» со стационарного компа ни к чему не привела – пароль был сохранен только в ноутбуке, Мыш даже примерно не помнил, из каких букв он состоит, имя было выдуманное –

стыдно сказать, – Бэтмен, с киногероем на аватарке! Довыпендривался! Случилось полное и катастрофическое обнуление всего, даже скудного заработка. Зарегистрироваться заново под тем же ником невозможно – правила! Обращение к давнему знакомому программисту ничего не дало: тот лишь вяло отбрехивался, ссылаясь на тотальную занятость, вместо того, чтобы помочь. Да и что он мог сделать? Хакнуть «ВК»? А смысл?

Недели три Мышкин пил и смотрел сериалы. Компанию ему составил Гарик, такой же надомник, с которым он сотрудничал в сети, но вовремя успел вывести знакомство за пределы интернета. В молодые годы Гарик ответил на грубость, его ударили, он ударил в ответ и сел за превышение самообороны. После отсидки эмигрировал в Израиль, пожил в кибуце, вернулся горячим русским патриотом. В этом году, уже будучи очень солидным человеком, отцом семейства, стал рецидивистом – отсидел трое суток за нарушение ПДД, чтобы не лишиться водительских прав на год. К ситуации он относился с юмором, всегда говорил, что у него черный пояс по сарказму и цитировал Харпера Ли: «Жизнь еще продолжается, но судьба уже закончилась».

Пили под телевизор, ругая пиндосов, майдаунов и либерастов. По ходу пьянки выяснили, что вундеркинда Дениску и полиглота Гарика в 1985 году поощрили путевкой в «Артек», и они жарились на солнышке одновременно, хотя и были в разных отрядах. Желтенького парня из Вьетнама и шоколадненького с Кубы знали оба – они отлично в шахматы играли.

– За интернационал!

– За Коминтерн!

– Страна рождения определяет менталитет: в Израиле наши евреи не приживаются, они по менталитету более русские, чем евреи. Тебе ведь, к примеру, все равно, какой национальности Шойгу?

– Он русский!

– Правильно! Все, кто любит Россию, вправе называться русскими. Нас такими сделало советское воспитание.

– Вон то заднеприводное чмо, – с экрана развлекал весь мир украинский политик, – тоже получило советское воспитание.

– Не путай советское воспитание с отсутствием воспитания! – и они наливали по следующей, после чего неизбежно соскальзывали в философию.

– Весь этот базар по поводу того, что человек – сам кузнец своего счастья – безбожная теория, создающая иллюзию власти над собственной судьбой. Всё это – похмельный бред. Потому что все мы в руке Божьей, – говорил Гарик. – Или что же получается, я краснодипломник, сам себе сковал две судимости?

– Согласен, – бубнил Мышкин, который привык за последнее время изъясняться лайками и с трудом от этого отвыкал. – Я тоже в этом году собирался ковать свое счастье. Лучше бы и не знал ни про какой астероид, бляха муха! Много знания, много печали, как говорил Соломон, или, если по-нашему, больше знаешь – крепче пьёшь.

Протрезвел Бэтмен, когда кончились деньги, чтобы заняться продажей машины, ржавеющей на газоне под окнами, – надо было на что-то жить. В очередной раз он выглядел перед женщиной полным мудаком и ничего не мог с этим поделать. Подумать только, попросился в друзья и сгинул! Она, наверное, думает, что все мужики – козлы... Впрочем, она так думала и до знакомства с неким Бэтменом, возможно, ей вообще пофиг.

Пока стена дождя за окном сменилась мелкой моросью, Мышкин успел подвести итоги десяти прошедших месяцев этого во всех смыслах очень важного года. Итак, месяц потрачен на конфликт с дубинноголовым боссом: попробуй что-нибудь доказать абсолютно безграмотному человеку, уверенному в своей правоте. Еще месяц на поиски работы. Потом полгода ушло на подкаты к Кысе, которая, теперь это можно сказать с полной уверенностью, потеряна. Ну, и месяц на запой, куда ж без этого. Остался всего месяц. Темпы общения в сети не годятся,

надо выходить в оффлайн. Как говорится, удача улыбается смелым... А потом долго ржет над ними!

Мыш принял душ, побрился и с подергивающимся глазом пошел в ближайший бар.

***

Ненавистных караошников с их неизменной «рюмкой водки на столе» не было. В уголке щебетали симпатичные молодые девушки, но Олег не знал, о чем говорить с людьми девятидесятых годов рождения – искал глазами кого-нибудь постарше. За барной стойкой светился прикрученный намертво телевизор. Поскольку вечер был не футбольный, шел сериал про Екатерину II, с участием звезд и дорогими декорациями. Перед теликом одинокая дама с мохито вполголоса материлась; высокий табурет давал ей возможность продемонстрировать красивую линию бедра. Бармен одобрительно кивал, клиентка вдохновенно продолжала:

– Год назад уже сняли точно такую же хрень! Одни и те же мизансцены, те же ляпы, одинаково расставлены акценты, даже отрезок времени взят тот же самый – до коронации. Вроде как после воцарения и неинтересно: подумаешь, пятьдесят любовников! Обидно за хороших артистов, замаравшихся в этой халтуре. Но!.. – она подняла вверх наманикюренный пальчик, – Всё становится ясно, как только мы вспомним голливудскую продукцию 1990 года «Екатерина молодая» – всё взято оттуда. Про другой период надо книжки читать, материалы собирать, а это так скучно! Вот, к примеру, восшествие на престол Елизаветы Петровны, незаконнорожденной, оттесненной от трона – до сих пор не экранизированная захватывающая история, но чтобы ее снять, надо перелопатить горы материала.

Дама была приятной наружности, в марафете и в той степени опьянения, когда знакомство может быть продуктивным. Мыш, поставивший себе целью во что бы то ни стало найти ту, что не только скрасит оставшееся до Армагеддона время, но и сможет поддержать разговор, решил вмешаться в ее монолог:

– Наши «творцы» подождут, пока про Елизавету снимут на Западе, а потом уж начнут работать над своей версией по готовым лекалам – так ведь намного проще.

– Су-у-ки! – согласно закивала дама. – Я на днях видела фильм «Дуэль. Пушкин – Лермонтов». История в сослагательном наклонении. Снят плохонько, с минимальными затратами, но сценарий на пять баллов. Люди работали над историей, писали правдоподобные диалоги, правдоподобную версию, в которую хочется верить, даже стихи. Вот во что следовало бы вложить средства, привлечь звездный состав – в оригинальный сюжет, а не во вторсырьё. Но никто не хочет торить тропку, все хотят идти по протоптанной.

– Когда у красивой женщины есть еще и мозги, она представляет собой проблему, – закинул первую удочку Дэн и заказал им обоим еще по мохито.

Дама нецензурно улыбалась в ответ, но коктейль взяла и продолжила поносить Первый канал:

– Вы представляете, они меня забанили! Внесли в черный список! Чтобы удалить из контента экстремистскую информацию, нужно постановление суда, на это уходит около трех недель. А чтобы забанить человека, который не матерится в пабликах (я там не материлась, честно!), не разжигает национальную рознь, но умеет изъясняться без смайликов и упрекает Первый канал в пропаганде пошлости, ничего этого не нужно – ррраз и всё!.. Как я понимаю Сократа!.. – и дама пустилась в пространные рассуждения о том, что интеллект в нашем обществе не только не востребован, но и подвергается остракизму. Мышкин, уволенный как раз по этой причине, очень хорошо ее понимал:

– Только убогий мыслью либерал может думать, что у нас есть свобода слова или какая-либо другая свобода, – грустно поделился Мыш, но про себя отметил, что эта особа говорит и думает примерно то же, что и он сам. Праздник – это когда то, что понимал только

ты, оценил кто-то еще, а потому – ради праздника! – было заказано еще по одному зеленому напитку. Однако после многих сказанных слов, когда он предложил продолжить вечер у него, дама неожиданно встала на дыбы.

– Неужели я так херово выгляжу, что вы сразу же предположили, будто мне не с кем скоротать вечерок?! – ехидно и на удивление трезво спросила она.

– У вас есть парень? – удивился Мыш: она ведь недвусмысленно заигрывала.

– Это вопрос или попытка унижить? – Дэн замахал руками, однако все его потуги уладить дело миром ни к чему не привели. Она уже была откровенно зла. – Либо вы уверены в своей способности уболтать любую, либо ставите меня на столь низкую ступень развития, на которой собственного мнения не существует.

«Что я такого сказал?! Почему предложение продолжить знакомство – это оскорбление?! Разве не ради этого мы здесь? Ты, коза крашенная, о чем думала, когда флиртowała?» – пронеслось в его голове. Однако читать мысли Бэтмен не умел, а потому извинился и пошел спать – благо недалеко, и дождь кончился.

Ни бабником, ни раздолбаем Мыш никогда не был. Наоборот, отношения с противоположным полом воспринимал очень серьезно, потому и был его паспорт утыкан штампами. Его первая жена – она же первая любовь – разругалась с ним вдрызг за то, что он не одобрял ее стремление посещать клубы и дискотеки после свадьбы. Вторая, оставив на его попечении своего ребенка, возобновила отношения с отцом этого ребенка. Мыш утешал себя мыслью, что поспособствовал воссоединению семьи. А третьей жене он так и не смог вразумительно объяснить, почему до сих пор помогает первой, которая как раз осталась без мужика и беременная. Родители махнули на него рукой, отчаявшись ждать внуков, а папа по секрету добавил: «Ты не задумывался, почему обручальное кольцо надевают на тот палец, их которого кровь берут?» Всё было так сложно, что впору воспользоваться сайтом знакомств или услугами платных женщин, но Мыш, презирающий всякую фальшь, искренне считал, что заслуживает того, чтобы его и так любили. Непротивная внешность и интеллект выше среднего должны были ему в этом помочь, а губермановский принцип:

*Любовь не значит слиться телом,
душою слиться – это да!
Но, между делом, слиться телом
не помешает никогда, —*

заставлял искать подругу, которая воплощала бы всё в одном. Однако, выражаясь научно, его жизненная философия не была подкреплена соответствующей методологией. Проще говоря, он не знал, где и как склеить нормальную бабу. Да и побаивался он, что его разведут, как лоха, да еще и почку украдут.

Утро не было добрым. Так как ради приятного знакомства он вчера пил коктейли, а не нормальную водяру, голова раскалывалась. Словно назло, противная соседка сверху занялась генеральной уборкой, что означало жужжание, пыхтение и грохот на весь день. Лично он ее не знал, но именно эта стерва вызывала милицию, когда он чересчур шумно отмечал новоселье. А ведь он всего лишь следовал традиции: за четыре угла пьют четыре раза по 400 грамм! То, что сама в выходные людям спать не дает, она не замечает, зараза! Это хорошо еще, что от нее муж ушел (этот факт пролил в измученное сердце Дэна целительный бальзам злорадства), а то при нем-то грохоту было поболее. Когда они в течение года делали ремонт, ощущение было такое, будто они всё делают перфоратором, даже клей для обоев размешивают. Теперь стало тише, но эта мымра нашла себе другое развлечение: жалобы писала на автомобилистов, которые на тротуарах или газонах паркуются. Мыш тоже не раз попадался. Теперь

он сверху смотрел, не мелькает ли внизу красная бейсболка, и, только проверив безопасность маршрутов, выходил из квартиры. Сказывался комплекс вины, выработавшийся в трех браках.

Любимая радиостанция, снова наврав о погоде, стала что-то врать о курсе доллара. Мышь ругнулся на приемник и позвонил Гарику, чтобы рассказать о вчерашнем походе в бар.

– Я тебе всегда говорил, что сатана женского рода, – прокомментировал приключение друг. – Но если тебе интересно, я уверен, что в первоммайском баре никак не могла оказаться коза на шпильках из какого-либо другого района. Скорее всего, ты ее еще встретишь.

– Может, схожу туда еще, но не сегодня...

– Не везет в работе – повезет в любви, – подбодрил Гарик. – Не везет ни в работе, ни в любви – повезет в алкоголизме!

– Это в тему, зачет. Мне бы полечиться. Зайдешь?

– Не-а, меня после того раза к тебе не отпустят.

Мышь в который раз позавидовал другу: кому-то не всё равно, назююкается он или нет! Политические дебаты в обществе привели к тому, что жена Гарика оказалась на противоположной идейной платформе, а потому, чтобы избежать гражданской войны внутри семьи, было решено говорить лишь о детях и музыке, однако и это лучше, чем ничего. А тут даже на чих ответить некому, только соседка жужжит, как заведенная. Чего там убирать, если живешь одна?! Откуда там грязи-то взяться!.. – негодовал Дэн.

За окном оставалось темно и к полудню, и после. Отчаявшись ждать рассвета, Дэн сел за компьютер и заново зарегистрировался «ВК», теперь уже под собственным именем.

«Ненавижу зимнее утро. Это самый мрачный депрессивный момент дня. Недаром британские ученые доказали, что лежать утром в теплой постели и никуда не ходить – полезно для здоровья. Подозреваю, что так называемые жаворонки с пылесосами и перфораторами с утра начинают бухать, а потому воспринимают мир более позитивно», – написал он свой первый пост. Потом нашел Крысю и снова попросился к ней в друзья. Она как раз общалась на околотературные темы: «Они ищут героя нашего времени и очень досадуют, что не могут его найти, а его и нет! На самом деле наше время олицетворяет героиня – женщина, которая выживает сама, не полагаясь ни на какого героя. Надеяться только на себя – отличный способ перестать разочаровываться в людях». На его запрос она никак не отреагировала. Через день написал снова, сказал, что он Бэтмен, что потерял ноутбук и т.д., в доказательство даже привел цитаты их диалогов.

– Пошел в жопу, придурок! – ответила ему самая интеллигентная девушка сети.

И в самом деле, прочитать их диалоги мог любой негодяй и использовать это знание, чтобы втереться в доверие.

Времени на осуществление мечты оставалось всё меньше. В следующую пятницу Мышь сходил в бар, безрезультатно просидел там несколько часов, даже попытался выяснить у бармена, кто та приятно матерящаяся женщина, что беседовала с ним неделю назад, но бармен то ли врал, то ли действительно видел ее тогда в первый и последний раз.

В субботу, в полной прострации блуждая по интернету под аккомпанемент соседской уборки, Дэн набрел на страничку православного священника, который в воскресенье – то есть завтра – приглашал всех желающих на молебен о создании семьи, который пройдет в 16.00 в храме при 1-й Градской больнице. Не будучи ничем занят, Мышкин приготовился к встрече с такими же отчаявшимися, как он сам.

– Ты смотри, – предостерег его друг, – там не для флирта люди собираются!

– Я тоже не для флирта! Что такого страшного может со мной случиться, чего еще не случилось? Трудные отношения? Это лучше, чем отсутствие отношений, когда даже о надвигающемся апокалипсисе потрындеть не с кем... Блин, завтра кусок нашей линии метро будет перекрыт!

– Это бесы хотят тебе помешать, – съехидничал Гарик. – Да ладно, не ссы! Пересядешь на Курской.

– А где у нас Курдская? – более пятнадцати лет за рулем собственного авто давали о себе знать. Однако он героически изучил схему, почистил ботинки и попытался вспомнить, как ведут себя в церкви.

Спустившись в метро, Мыш, однако, не нашел отверстия, в которое можно было бы опустить жетончик. Оглядевшись в пустом вестибюле, он храбро подошел к дежурному, но не успел ничего сказать, так как смуглый парень девяностых годов рождения взорвался восторгом:

– Вау, чувак! Откуда у тебя это?!

– Э-э... – Дэн хотел спросить, нельзя ли «это» где-то обменять, но вахтер не дал ему договорить:

– Дай мне и проходи так. У тебя еще есть? – Мыш показал горсть жетонов, и сотрудник метрополитена снабдил его карточкой на пять поездок.

«Наверняка продешевил, – сокрушался Мышкин, – коллекционеры – жадные сволочи, ну да ладно. Может, в чем-то другом повезет».

***

Крысина фотография, которую она поставила на аватарку, была десятилетней давности: еще муж снимал. Котик давно покоился под черемухой, а от мужа-бизнесмена осталась только красная бейсболка с логотипом его фирмы, чтоб она сгорела.

Крыся (Кристина) надеялась реализоваться в творчестве, а он верил, что вот-вот станет папой, и оба были счастливы, так как никогда не слушали друг друга и полагали, что смотрят на мир одинаково. Пока однажды не поехали вместе на море и не начали по-настоящему общаться. Тогда-то брак и затрещал по всем швам, потому что уступают только любящие, а они таковыми не были. Крысе осталась квартира в непрестижном районе с невоспитанными соседями, мужу – сочувствующие друзья, вздыхающие: «Ах, какая стерва! А ведь притворялась приличной женщиной».

У Кристины, как и у Фаины Раневской в зрелые годы, телефон был, а звонил только будильник. От безысходности она включилась в общественную жизнь и в сети, и в своем дворе, и если соседи видели какой-то беспорядок, вроде незакопанных траншей, то уже не беспокоились, так как были уверены, что «эта в кепке», настойчивая, как свидетели Иеговы, уже звонит куда следует. Объем беспорядка в России – гарантия того, что скучать таким, как Крыся, не придется никогда.

Немного огорчало лишь приближение астероида. В самом деле, подводя итоги своей жизни, Кристина не нашла ни одного пункта, под которым можно было бы поставить галочку. Мечты не сбылись. Самореализация – священное слово современной женщины – так и не свершилась. Она пыталась после развода построить новые отношения, но обязательно какая-нибудь мелочь всё портила. Например, один приятель писал «ВДНХа» и «5-ти летний», а филологическая душа Кристины выворачивалась наизнанку. «О каких серьезных отношениях с человеком противоположного пола может идти речь, если меня все бесят, да и сама я себя подбешиваю?» Были моменты, когда бессмысленность всего сущего проступала слишком явно, но усилием воли она убеждала себя, что человек должен жить хотя бы ради любопытства: новый фильм, новая книга, новая хохма в социальной сети.

Подружки, вышедшие замуж и теперь воспитывающие детей (хотя дети почему-то всё равно были невоспитанными), перестали быть подружками, а те, что остались в старых девах, оказались невыносимо скучными собеседницами. Была среди приятельниц одна театралка, не пропускающая ни одной премьеры, которая всё мечтала, что именно там, в театре, встре-

тит своего суженого, а вместо этого встречала пыльных старушек, но и она не могла разделить Крысину тоску.

Как-то само собой получилось, что страничка православного священника была ей столь же интересна, как и те сообщества, где она могла крепко поспорить (что, кстати, любила до самозабвения). И ведь, казалось бы, ничего особенного он не говорил – всё это она и сама знала. О том, что тяжесть мира должна лежать на мужских плечах, а в противном случае мир сползает, и ему грозит падение... И о том, что надо воспитывать сильных и ответственных мужчин, а иначе в области их интересов останутся только пиво, футбол, удобный диван и похабные анекдоты. И что острее всех эту катастрофу ощутят на себе именно женщины. Женщины уже сейчас изображают счастье свободы и независимости, и Крыся – одна из тех, кто гордо несет знамя эмансипации. Как-то раз даже в бар пошла, чтобы познакомиться с каким-нибудь ханыгой, хоть на одну ночь, но не смогла перебороть свою гордыню – отшила. У него был такой кокетливый прикид, что Кристина с трудом сдерживала смех. Они называют себя метросексуалами, хипстерами, еще какой-то ересью – какой только хрени не выдумают, чтобы обосновать свое желание покрасоваться! Это в животном мире очень распространено, причем не у высших животных – волков и тигров, а у всякой шелупони – у птичек, у рыбок самцы наряднее самок. Крыся это презирала, ей импонировали мужчины, которые по-евангельски не имели двух перемен одежд. Нарядный кент был послан, причем грубо. Потом плакала и сожалела – ведь по сути одинокие женщины глубоко и неизлечимо несчастны, вне зависимости от феминистских убеждений и уровня IQ. «Женщина без мужчины – это ребро без человека», – писал батюшка на своей страничке. Когда поп кинул клич на молебен, Крыся сразу же решила, что поедет. Была вероятность, что там соберутся одни женщины, а если и придут мужики, то уж совсем убогие, и главным трендом этого мероприятия станет человеколюбие: пусть одни убогие пожалеют других, и всем станет хорошо. Но Крыся готова была подчиниться Божьей воле, которая проявит себя через священника. Ее литовская бабушка, от которой ей досталось и имя, и католическое крещение, говорила: «Два больных – один здоровый». Да и в самом деле, десять лет без мужика – это разве не убожество?!

Конфессиональная разница ее не смущала. Всё это – человеческие измышления. Свечки и ладанки никак не могут иметь какое-либо отношение к божественной истине. Вообще, у нее часто вызывали улыбку ровесники – все сплошь бывшие пионеры и комсомольцы, которые, стуча пяткой в грудь, утверждали, что они православные или, наоборот, мусульмане. Ребята, опомнитесь! Мы советские люди, нам Ленин был иконой! У Фазиля Искандера есть рассказ о детстве, где он поведал, как обижался на дразнилку «мусульманин Ислам-бек»: «Ну, допустим, – говорит он с нескрываемым сарказмом, – мусульманин, более или менее». Примерно так же Крыся воспринимала и свое католичество: Бог – это вершина горы, а разные религии – это тропки, которые ведут к вершине. И пойти по соседней тропке не предосудительно.

Конечно, Первомайская и Ленинский проспект – это, мягко говоря, разные галактики, но, с другой стороны, она не хотела бы встретить своих соседей (и даже подругу) в тот момент, когда будет молить Господа о ниспослании жениха. Люди знали ее как сильную личность, поющую гимны свободе, которой совсем не до сантиментов. Предки долго и нудно внушали Кристине: выйди уже наконец замуж, хотя бы для того, чтобы было кому щи варить – а то для себя неинтересно. Но Крыся – вот ведь особенности скорости звука! – осознала эту нехитрую правду только при известии о приближении конца света. Тот факт, что пару лет назад обещанный Армагеддон не случился, лишь увеличивал вероятность попадания небесного тела точно в цель.

***

Из-за древних жетонов и восторженного коллекционера Мыш опоздал на молебен и пристроился у самого входа. Хор пел красиво, свечи мерцали, церковнославянского Дэн не понимал, а потому вздохнул и стал ждать благодати. Подавляющее большинство паствы составляли женщины неопределенного возраста, но были и бородатые дядьки, застегнутые на все пуговицы. Мыш со своим дурацким шарфиком казался чужеродным элементом в этой толпе. После службы люди не спешили расходиться, а поочередно подходили к батюшке побеседовать. Со своего места Дэн смог разобрать лишь несколько слов:

– Бог знает не только какие мы, но и почему мы такие, – но эти слова ему понравились, и он остался. И вдруг поп сказал:

– А, Крыся! Хорошо, что пришла! Для Господа все христиане – братья и сестры.

Ответа Мыш не разобрал, но протиснулся поближе, чтобы рассмотреть особу, к которой даже батюшка обращается с кликухой, но платки делали всех прихожанок одинаковыми, и никого, похожего на девушку с котиком из сети, он не увидел, зато когда она повернулась и пошла к выходу, в лице, лишенном какой-либо косметики, проступили черты недавней знакомой из бара, той козы на шпильках.

– Крыся? – неуверенно позвал он. Она с любопытством посмотрела на него и на его шарфик:

– Мы знакомы?

– Да. Я – Бэтмен.

2015

Ассоль с Чистых прудов

*Мне нужно кого-то любить,
чего-то ждать и что-то делать.*

Элвис Пресли

Магазин «Галантерея и парфюмерия №16» помещался в угловом здании в начале Сре-тенки. Окна выходили на бульвар, и Лариса часто смотрела на собак, задирающих ножку на памятник. После семи она выходила из магазина, ныряла в арку возле почты и, пройдя через замусоренный двор, входила в свой подъезд: ее коммуналка была на втором этаже того же дома. Из окон ее комнаты открывался тот же вид, что из окон работы – памятник самой неженственной женщине в многотрудной русской истории. Самым страшным для себя девятнадцатилет-няя продавщица считала стать похожей на нее. Может быть, именно поэтому после школы пошла работать в галантерею, хотя по конкурсу аттестатов проходила без экзаменов в педин-ститут. Но ведь он был имени Крупской! А в галантерее в эпоху тотального дефицита можно было приобрести что-то сугубо женское до того, как оно попадет на прилавок и будет сметено без остатка.

Времена выпали Ларисе непростые, смутные. Впрочем, жаловаться на времена – дело обычное, но период распада империи – это действительно жутковато. Обаятельный генсек сна-чала объявил перестройку, госприемку и ускорение, а потом всё народное добро куда-то про-пало (видимо, не прошло госприемку), выдавалось только по талонам и карточкам. И как-то в одночасье всё вокруг стало каким-то серым и пыльным. За пару лет народ пообносился так, будто пережил войну и голод. Покупать еду надо было днем, отстаивая длинные очереди. Когда Лариса вечером выходила с работы, было уже бессмысленно что-то ловить. Однажды в рыбном магазине за прилавком (пустым, естественно) она увидела головы и хвосты от минтая и попросила завернуть. Продавщица смерила ее взглядом – худая, бледная немочь, в драповом перелицованном пальто – и вынесла килограмм рыбы, который, наверное, для себя отложила. Уже дома, отдав рыбу изголодавшемуся коту, Лариса поняла всю трагикомичность ситуации: женщина подумала, что она *для себя* просила эти головы.

Как-то на улице Кирова дорогу ей перегородила очередь, начинавшаяся из магазина «Хрусталь». Давали нержавеющие ложки и вилки. Унаследовав от неродной бабушки комна-тушку, вместе с ней Лариса получила несколько общепитовских тарелок и алюминиевых при-боров. Есть масса людей, которые не замечают убожества, в котором живут, но Лариса к ним не относилась. Даже свою нору в коммуналке она старалась максимально облагородить и лично перетягивала обивку на стульях с инвентарными номерами, утащенными из соседнего библю-течного коллектора. Ей хотелось приобщиться к благам цивилизации, и она честно отстояла полтора часа. Вилки-ложки закончились перед ней, но чтобы не уходить с пустыми руками, она поменяла у какого-то мутного дядьки водочные и сигаретные талоны на одно приглашение в универмаг на распродажу, там могло повезти с обувью. Видимо, настоящему мужчине обувь ни к чему – он и так высоко котируется.

Нечищенные тротуары, пустые витрины, облупленная штукатурка памятников архитек-туры исторического центра Москвы. Как говорится, история – это постаревшая и страдающая склерозом жизнь. Ну а поскольку всё равно все всё перевирают, Лариса тоже придумывала свою историю – для тех, кто готов слушать. Приятельницы приглашали в гости. В этих домах жили три-четыре поколения семьи. «Это бабушкино кресло, это дедушкина сабля, это праде-душкин царский рубль, чай у нас принято пить с крыжовенным вареньем, рецепт семейный, вот розеточки, их маме на свадьбу подарили» и т. д. В семье Ларисы мало того, что мужчины не приживались, так еще и каждое новое поколение начинало все с нуля. Не было дома, о кото-

ром можно было бы сказать, что он *принадлежит семье*, не было семейных традиций. Не было и родословной. У нас ведь русский человек за дедом называет сразу Адама. И Лариса за неимением родословной фантазировала, создавала свою историю из разрозненных артефактов и свои традиции. Старинная вазочка, салфеточка, веер, серебряная пудреница. Следы былой эпохи, пускай от чужих предков, но ведь от предков. Старые платья из натурального шелка, атласа, шифона, с кружевной отделкой и вышивкой (винтаж!) она ловко перешивала на свой Дюймовочкин размер, что в сочетании с ее косой создавало романтичный, но несколько старомодный образ тургеневской барышни.

Еще ей досталось готическое кресло, огромное, тяжелое и пропитанное метками многих поколений котов. Когда Лариса завела собственного кота, это кресло стало главным местом в доме: кот нюхал его и в экстазе открывал рот, чтобы глотнуть воздуха. Когда хищник достиг зрелости, он присоединил свои метки к меткам предков. Тоже, блин, историк! Стало понятно, что с креслом надо расставаться. Второй этаж – это не слишком высоко. И лестницы широкие, наверняка в былые времена их застилали коврами, а на площадке были зеркала и фикусы. Но кресло было таково, что она и с места бы его не сдвинула. Просить кого-то помочь – нет, только не это. И тогда она взяла топор и порубила памятник старины на куски, а уж кусками вынесла его легко и изящно.

«Изящно» – это было ее слово. Она носила зимой шляпку-таблетку и капроновые чулки, а дома шелковое кимоно с вышитыми бабочками. Самым ужасным было появиться перед людьми без макияжа. И хотя бедность душила, все грубое было для нее неприемлемо. В эпоху, когда со страниц прессы, с теле- и киноэкранов смотрели женщины легкого поведения, а всякая девушка мнила себя «Красоткой» и ждала своего Ричарда Гира, Лариса носила длинные юбки, читала классику, писала стихи и не ходила на дискотеки. У нее был молодой человек – студент, сын уважаемых родителей, и они планировали со временем пожениться, хотя Олег был недоволен, что она не учится, а работает вульгарной продавщицей: «Это не твое, – был его вердикт, – когда я закончу институт, ты пойдешь». Впрочем, сам он учился на дневном, и о том, чтобы подрабатывать, не могло быть и речи. «Ты же не хочешь, чтобы я разгружал вагоны». Она не хотела. Он был очень красив, она постоянно рисовала его портреты во всех тетрадках и любила его ничуть не меньше, чем своего изящного кота.

Визиты Олега обставлялись просто: он приносил пару сдобных булочек, а она ставила чайник. Поскольку запастись хлебом насущным не представлялось возможным (у Ларисы не было холодильника, как, впрочем, и телевизора), а охотиться на продукты ежедневно выше человеческих сил, от домашних обедов пришлось отказаться. Ходили в столовую на улицу Кирова или на Проспект Мира.

На работе раскормленные и густо покрашенные тетки Ларису презирали за литературную речь, натуральные волосы и отсутствие модных шмоток, но постоянно использовали ее для урегулирования конфликтов с покупателями. Она подходила к крикуну, хлопала ботичеллиевскими глазами, называла его *сударем*, и скандал тихо сходил на нет. «Тебе бы в психушке работать, буйных усмирять», – говорила заведующая.

***

Молодой человек с вечно опущенными длинными ресницами и наполовину седой головой появлялся в галантерее раз в месяц – гэдээровские лезвия бывали только здесь. Что-то было в нем такое скромно-застенчивое, что наводило на мысли об иной эпохе. Он не принадлежал этому миру, этому грубому веку. Лариса, трепеща, подавала ему товар, а он, так же трепеща, брал. И если случалось, что их руки соприкасались, вздрагивали и краснели оба. Товарки смеялись. То, что она не вписывалась в мир торговли, это само собой, но что еще и покупатели такие бывают – вот это цирк! Лариса отнюдь не была ангелом, но по мере сил старалась не реа-

гировать на этого парня. Может быть, хотела остаться верной Олегу, а может быть, боялась, что это увлечение, если дать ему волю, все сметет на своем пути. Кажется, правильно боялась. Когда наступило лето и Лариса увидела его без пальто, в сознании ее произошел поворот покруче того, что замутили большевики. Закончив в свое время художественную школу, она имела представление об идеальных пропорциях, но увидеть вживую!.. Древнегреческие боги показались бы рядом с ним жалкой массовкой.

Вот ведь как бывает у девочек с художественным вкусом. Они с малолетства придумывают себе прекрасного принца. Вернее, придумывают его все девочки, но девочки-художницы его еще и рисуют, и очень конкретно. Все у них продумано: и рост, и пропорции, и черты лица, цвет глаз и волос, и даже форма ноготка на левом мизинце. А потом они достигают необходимого возраста, начинают этот идеал искать, ошибаются, обижаются, отчаиваются, иногда даже выходят замуж. Потому что того, *Единственного* не существует. Мужа они выбирают не по сходству со своим идеалом, а по другим каким-то совершенно приземленным доводам. Потому что если ты несчастна, то плакать лучше в автомобиле, а не в трамвае. А потом оказывается, что *Он* есть. Существует. Ест, пьет, работает, учится, иногда даже бреется. И пропорции, и цвет глаз и волос, и форма ноготка на левом мизинце – все так, как она себе наметала. И уж совсем чума, если он тоже проявляет свое расположение. Вот тогда хочется грызть зубами кирпичи.

«Господи, – в полном экстазе думала Лариса, – как он красив! Теперь понятны слова из Библии: по образу и подобию Божию».

Конечно, высокий, хорошо сложенный. Спортсмен, бегающий по утрам. Темно-русые волосы с проседью, переходящие на висках в откровенно рыжий. Если будет когда-нибудь борода, то она будет сиять как солнце, а из ворота рубашки выглядывает абсолютно черный мех. Лицо правильное, классика, античность, но при этом брови с неприличной дорожкой на переносице. Глаза не голубые, не зеленые, не серые, не карие – невозможно сказать одним словом. Есть такой камень – тигровый глаз, вот такой цвет. Но Ларису так завораживал взгляд, что цвет она не могла идентифицировать. Когда он уходил, то так смотрел ей в глаза, как будто хотел унести часть её с собой.

Он видел интерес с ее стороны, она видела его волнение, но к знакомству они шли путями столь длинными и окольными, что прошел год, прежде чем она узнала его имя. Саша Иванов – как знаменитый пародист. Почему-то все уроды вели себя с Ларисой самоуверенно, а этот полубог колебался, стеснялся, темнил, краснел, как школьник. Ресницы на пол-лица, глазки-звездочки, мечта поэта. Студент института культуры, он подрабатывал извозом в аэропорту Шереметьево, возил новый класс бизнесменов и кооператоров на стареньких красных жигулях. Еще через месяц он решил подъехать к концу рабочего дня, чтобы пригласить ее в кооперативное кафе на Колхозной площади. А в следующий раз они гуляли по Чистопрудному бульвару и кормили уток батоном за 25 копеек. Они говорили о вкусах, которые совпали во всем: тут тебе и русская классика, и старое кино, и мода 50-х, и джаз, и нелюбовь к Красотке с ее Гиром. Еще через месяц, придя в магазин с огромным букетом алых роз и заставив тем самым замолчать шушукающихся товаров, он решил спросить у нее номер телефона. Лариса заколебалась.

Ведь был Олег. Начинать роман, не закончив отношений с женихом, у которого есть даже свои ключи, она никак не могла. Она попросила повременить, ничего не объясняя, но для себя решила, что в ближайшие дни разрубит сложный узел. Иванов принял это желание безропотно. Именно такой он ее и видел – барышней, досконально знающей этикет, а не пэтэушницей, уступающей на первом свидании. Но они целовались на скамейке, обращенной к пруду, и тогда Лариса мысленно окрестила его *мой Ромео*. Конечно, было сожаление, что они не встретились *тогда*, раньше, до Олега. И сама же отвечала: потому что были молодыми придурками, натворили бы дел, наговорили бы друг другу глупостей и грубостей и расстались бы по причине

несходства характеров. Это ведь такой вздор о несходстве! Нужна только любовь, и немножко мудрости, чтобы ее уберечь. А характеры ни у кого не сходятся, так вообще не бывает.

Олег пришел в бешенство. Лариса прямо сидела на обновленном стуле с инвентарным номером и на все вопросы отвечала «нет». Наверное, человек уверенный мог бы ее переубедить, но Олег и сам не знал, что для них лучше: расстаться сейчас же или переждать, пока ее поэтическая влюбленность пройдет, и она спустится с небес на землю. Олег выругался, отдал ключи и ушел.

Снова и снова вопрос коллег или соседки: «Чему ты так улыбаешься?» Мысленно она была не здесь, а там, в светлом и счастливом будущем, с любимым. Она с ним говорила, читала ему свои бесконечные восторженные оды, она его целовала и дрожащими пальцами расстегивала пуговицы на его рубашке... Но как же это происходило раньше, без желания с тем, другим? Или то смутное влечение к особи другого пола принималось ею за желание, а сравнить было не с чем? Ах, как этого мало! Ведь это и есть то самое убожество жизни, которого она так тщательно стремилась избежать. Лишь теперь она понимала тех, кто так и остался один, на всю жизнь, не найдя свой идеал, и не захотел размениваться на пустое, на «жизнь как у всех». Ведь это так важно, чтобы каждая черточка соответствовала представлениям об идеале.

Тетки, узнавшие о расторжении помолвки буквально на другой же день (коммуналка!), со знанием дела заявили:

– Дура! Был один лох, и того прогнала! Ты никогда замуж не выйдешь. Ты посмотри на себя – мышь белая, заморыш. Думаешь, принц на белом коне за тобой приедет?

Принца не было, но Иванов на красных «Жигулях» за ней приезжал, и они все так же невинно гуляли по облупленному центру Москвы. Она уже давно решила дать ему телефон, но во время прогулок они были так поглощены беседой, что все забывалось. А расставшись с ним у подъезда и поднявшись к себе, она вспоминала, но было уже поздно, потому что его телефона у нее тоже не было. Так и продолжал он ее встречать в семь часов у выхода из магазина, на углу бульвара и Сретенки. Загородные прогулки были исключены, даже на малейший укус комарика у нее была страшная аллергия. Так и ходили они по колдобинам городского асфальта, избегая насекомых. Но однажды он ее не встретил.

Накануне было жарко, +33, и Лариса, как и подобает барышне, не в состоянии была идти на работу. Позвонила, отпросилась. А на другой день пришла, полная надежд на новую встречу. В подсобке из мусорного бака торчали увядшие чайные розы, это ее несколько насторожило, но коллеги сказали, что это к Ирке покинутый муж приходил мириться, да только еще больше разругались. Лариса успокоилась. В двадцать лет мы все так доверчивы!

Но и на другой день Ромео не приехал. И на третий. Она стояла у окна и смотрела на Крупскую, а товарки усмехались и говорили: «Ассоль-то наша алых парусов ждет».

Ее охватило медленное безумие. Редко когда крыша съезжает с большим и ярким выбросом энергии. Обычно никто не замечает, как сходят с ума. Тихая домохозяйка может часами сидеть вышивать узоры, а внутри нее будут проноситься смерчи и бури, завывать вьюги и бушевать шторма. А когда она сорвется, ее благоверному покажется, что это произошло на ровном месте, из-за ничего. Но это копится неделями, месяцами, годами. Лариса узоров не вышивала – она писала стихи о своих алых парусах. Когда прошло три месяца, она забеспокоилась. Как всякий человек, не имеющий телевизора и радио, она только в конце года, после переименования ее родных улиц и исчезновения Железного Феликса с площади узнала, что летом был какой-то путч, что обаятельный генсек уже не у власти, да и Советского Союза больше нет. И что были какие-то беспорядки, что в Москве были танки (!) и что погибли три очень молодых человека, студенты. Ах, как стало страшно!

Однажды на выходе из магазина ее встретил Олег. Просил, умолял, убеждал, требовал – в общем, прилагал усилия, чтобы ее вернуть. Женщинам ведь это так льстит. А ей было так грустно, так одиноко. От полосы неудач она начинала терять почву под ногами. Она уже не была

так уверена в себе. Ей было очень страшно: «А вдруг пройдут годы прежде, чем мы встретимся? Я молюсь на него, как язычница. А он? Думает ли он обо мне? Помнит ли? Боже праведный! Тот, в котором я всегда сомневаюсь! В пространстве Ты или в моей душе! Подскажи! Дай мне знамение! Не позволь мне жить и любить напрасно. Это только для стихов неразделенная любовь – благо, а для жизни это очень плохо. Очень». Дома ее ждал только кот, обняв которого она непременно начинала плакать. И вдруг – бывший с цветами и шампанским. Институт закончил, приличную работу получил. Короче, убедил. И стали они пробовать начать все сначала. Но за то время, что они не виделись, оба очень переменялись. Лариса не перестала ждать своего Ромео. На работе продавщицы предпенсионного возраста позволяли себе расслабиться с трехлитровой банкой молдавского вина – в смутное время этого добра было хоть залейся. Называлось это «освежиться сочком», и иногда к ним стала присоединяться Лариса. Она приходила домой с блуждающей улыбкой на губах. И, похоже, была счастлива своим ежедневным ожиданием. Это поздно вечером, когда ждать было уже бесполезно, она становилась несчастной... И стихи продолжались. И Олег случайно их прочел.

– Я думал, мы поженимся, детей заведем, дачу купим, ты работать не будешь! А ты мало того, что дура, так еще и лживая, распутная, эгоистичная! – это Лариса-то, которая максимум что себе позволила, невиннейший поцелуй на скамейке.

Дальше, конечно, были слова о том, что он все простит, если она одумается, даст ему слово, что больше никогда и ни за что ничего подобного и т. д. И как аргумент приводил почему-то размер своей зарплаты. Или он надеялся переубедить ее с помощью денег? Нашел, чем убеждать! Эка невидаль – деньги. Лариса сказала, что не может сейчас отказаться от *своей жизни*. Он презрительно отозвался о галантерейщицах вообще и ее работе в частности и сказал:

– Неужели тебе это дороже, чем семья?

– Неужели ты подумал, что я живу этой работой?! – в тон ему ответила Лариса.

– А чем же?

– Собой.

Сказала и сама удивилась, как же это верно! Да, она жила только собой, могла сидеть и копать в своей душе, и даже в своей тоске – и эти моменты были ее жизнь, ее счастье, как бы пафосно это ни звучало; именно тогда рождались стихи. Она себя нашла и вовсе не хотела терять. Почему-то она верила в свою звезду.

В выходные Олег повез ее на воздух. В подмосковный дом отдыха «Романтика». Ночное шоссе, искристый снег, никаких комаров, музыка в машине. Около полуночи ввалились в номер. Добросовестный и какой-то насквозь семейный секс, за которым последовал черный провал забытья. А после снится ей сон: она и Ромео сидят на земле, прислонившись спиной к заборчику, плачут. Он уезжает надолго за границу работать по контракту. Она его не удерживает, но ей очень плохо. Из ее кольца, подаренного Олегом, выпадает камень – прямо на землю. И она не подбирает, не пытается найти, вставить обратно: ей безразлично.

И вот уикэнд, природа, кони, шашлыки, новые друзья Олега, невиданная роскошь. И она думает только о Ромео. Вернется ли он? Лариса иногда задумывалась о том, как круто переменялась жизнь. Не внешние атрибуты, а сама позиция. Будто переключило. Она ведь была очень деятельная, стремилась все успеть *сделать*. А теперь – только *почувствовать*. Больше не хотелось ничего делать, предпочтительнее думать, мечтать, фантазировать, анализировать. Главное – что внутри.

У Драйзера в скучном многотомном романе одна девочка живет собой, любит себя. Лариса не была столь самовлюбленной, но все-таки себя она очень ценила как личность и хотела жить в любви. Ведь только в любви может проявиться все богатство натуры: «Я ведь не только свою прекрасную плоть хочу подарить возлюбленному, но и свою созерцательную душу. Но вершина тщеславия – пойти с моим ненаглядным на пляж. Я, как правильно заметил Олег, эгоистка

и эстетка. Я поменяла образ жизни на более созерцательный, чтобы любить себя. И, полюбив себя, обратила внимание на него. Потому что он – достойный. Ведь невозможно так любить, когда надежды совсем нет. Значит, что-то маячит впереди. Как можно найти половинку себя, потрогать, а на другой день потерять?! Конечно, проблемы мирового масштаба никогда меня не волновали. Для меня нет ничего важнее моей эмоциональной жизни. Ромео – это мой наркотик, и потому так важно все, что с ним связано. Еще меня волнует дом, моя раковина, панцирь, потому что это арена для моей жизни. Я стараюсь, чтобы декорации были хороши, под стать действию. Я отгорожена от внешнего мира. И некто, которого я совсем не люблю, хочет отобрать у меня мою раковину, заполнить хлопотами, совершенно мне чуждыми. Чего ради? Разве я не вправе строить свою жизнь так, *чтобы можно было жить?* Я ненавидела детский сад, но ходила туда. Ненавидела школу, но ходила. Пионерский лагерь, родственники, работа – все не по душе, но *надо*. Я достигла самостоятельности! Если я от вас не завишу, как смее вы мне диктовать условия жизни?! А когда же будет *моя жизнь?*!»

Олег надеялся, что это блажь, пройдет. Приручал. Они ужинали в ресторане, он покупал ей подарки. Каждая его трата была как вся Ларисина зарплата. И тем не менее она ждала, когда же он уйдет. Вел он себя как один неприятный персонаж из сказки Филатова:

*Сей же час, я говорю,
Собирайся к алтарю!
Оцумела от восторга,
Дак нюхни нашатырю! —*

И Лариса лишь удивлялась, как раньше не замечала в своем кавалере отсутствия такта. Словно в вознаграждение за дневные страдания воспаленное воображение посылало ей цветные сны каждую ночь. И она их прилежно толковала. Вот, к примеру, цветущий сад, красивый дворец, трава в росе, и она босиком, а в руках две пары туфель. Растолковала: это ее мужчины, и она ни с одним из них. Один – рядом, но не нужен, другой нужен, но не рядом.

Когда они с Олегом только познакомились, он ей жутко понравился. В ту пору она узнала о чудотворном кустике, который растет у святого источника в Новом Иерусалиме. Лариса хотела поехать к этому источнику и загадать желание. Но не поехала – обстоятельства помешали. Господь умнее нас. В глубине души она не была уверена, что исполнение этого желания – как раз то, что нужно. А потом, спустя время, она попала-таки к этому источнику. Слова про Олега давно были заготовлены, но Лариса их не произнесла. Поняла, что совсем не хочет *того*. А хочет *Другого, Суженного*.

Теперь же, спасая от будничной тоски, подсознание развлекало ее красочными остро-сюжетными видениями. Однажды приснился настолько натуралистичный живой сюжет, что по пробуждении Лариса не сразу себя нашла. В том сне она гуляла с Олегом по парку Речного вокзала. Заходили в цветочные палатки, смотрели кактусы, ждали последнего экспресса. Осталось еще много времени, зашли в кафе. Она посмотрела на часы, и оказалось, что почти опаздывает. Она побежала, пока он *расплачивался*, не стала его ждать. Через парк, было уже темно и сыро, был октябрь, но на автобус она не успела. И увидела другой экспресс: *Водный стадион – Голопятницкое шоссе*. Где же это такое шоссе? Между Головинским и Пятницким? Недолго думая, Лариса прыгает и едет. Одна. Поняла свою ошибку где-то на МКАДе и попросила ее выпустить. Ей вернули деньги за проезд и высадили. Было это где-то между Химками и Митинским кладбищем, какая-то деревня, кучи желтых листьев и тут же кучи снега. Вдали светится МКАД – автобус съехал в сторону. На пути Ларисы КПП, шлагбаум, воинская часть или *еще что-то*. Но она туда прошла. Когда поняла, что там делать нечего, развернулась и пошла обратно. Но в эти ворота пьяный конюх ведет в поводу сильного, злого, рыжего,

брыкающегося коня, который смотрит на эту субтильную девушку человеческими (злыми) глазами. И деться ей некуда, и только шепот:

– Он же меня убьет! – и провал.

Когда проснулась, не могла вспомнить, *на чем же доехала до дома*, ведь автобус был последний. Поймала тачку? На какие шиши? И что это за КПП? И который час? И не сразу поняла, что было сном: то, как она вернулась к Олегу, или то, как она от него сбежала. И кто это рядом? Потом, включив свет, поняв, что находится у себя, с Олегом, Лариса немного забеспокоилась о своем рассудке. Но в течение дня кое-как растолковала: пока Олег строит свои планы, Лариса сбегает. Не на конкретный автобус, а так, наугад, в сторону Химок, где за неким загадочным КПП находится рыжий обозленный конь, в неволе, в тупике. Ужас пробуждения высветил еще одну мысль: что ни мужа нет, ни любовника, что любимый где-то за КПП, что она *совсем одна!*

И решение было принято. Когда очень плохо, надо сделать еще хуже.

– Олег, мы должны расстаться. Ничего у нас не получается, не люблю я тебя.

Откуда такой фатализм? Римское спокойствие. Она почему-то была абсолютно уверена, что придет Ромео, что выгодное место на какой-нибудь новой работе предложат именно ей, что она скоро расстанется с начальством, которое окончательно достало, и милыми соседями, которые достали еще больше. Откуда такая наглость? Неужели Вселенная – для нее одной? Для всего есть другие кандидатуры, и для любви, и для работы, и для получения новой квартиры. Но что-то внутри нас заставляет думать, что именно мы – пуп Земли. Когда-то в юности ей приснилось, что она столкнула Олега с поезда. Тогда она проснулась в слезах. И вот теперь, когда это случилось наяву почти буквально, она не плакала – лишь хотела, чтобы он не донимал ее вопросами, а просто ушел. Между тем собака-Павлов отпустил цены, вопрос выживания встал еще острее, чем в годы Михаила Меченого. Олег почему-то чувствовал себя виноватым, уходя, оставляя ее одну. Он постарался доделать всякие бытовые мелочи.

– Что это ты обо мне так заботишься?

– Приведешь своего красавца, какого-нибудь голубого, а он гвоздя не сможет забить. Как ты будешь без меня жить?

Как жить? Не было в ней страха. Не боялась Лариса остаться одна. А ведь это такая неженственная черта! Как у Мюссе: *«Будучи с ранних лет наделен независимостью, я стал ее боготворить. Я воздвиг ей алтарь в своем сердце»*. Чего ей было бояться? Одиночества? Бедности? Всё уже случилось, и она привыкла к этому. Ведь у нее есть суженый, она будет его ждать. Или даже лучше – она решила сама найти Иванова.

***

Лариса побывала в институте культуры, поспрашивала в деканате, и ей показали одного Сашу Иванова, только это был не тот, а такого полубога, как она описывала, никто не знал. А ведь прошел год с тех пор, как она в последний раз его видела, и за это время он стал в ее воображении еще краше. Ей посоветовали обратиться в Мосгорсправку. Но там выдвинули странное условие: дадим адрес, если у вас есть телефон, или дадим телефон, если у вас есть адрес. Никакие посулы денег не помогли. Посоветовали обратиться в милицию.

Один из постоянных покупателей, румяный сотрудник МВД с прекрасной светло-русой шевелюрой в духе Сергея Есенина и препохабнейшей улыбкой рад был помочь такой милой барышне, просил только фен «Олимп» ему достать или оказать незамысловатую интимную услугу. Лариса достала фен, и довольный мент дал ей 52 адреса Александров Ивановых. Начался долгий обзвон, пятьдесят разочарований. К осени осталось только два номера: один Саша пошел служить в армию, другой месяц назад сел в тюрьму за непредумышленное убийство. Следовательно, один из них. Оставалось только ждать, или два года, или пять лет.

Подруги подкинули ей адрес гадалки в Смоленской области, но было это далеко, очередь надо было занимать с половины пятого утра, причем на улице, и пришлось подождать до лета. Лариса готова была ждать, а летом поехала. И сказала ей гадалка про милого в казенном доме, только никакого света на события это не пролило, потому что с точки зрения *медицины духа* и тюрьма, и казарма – всё казенный дом. А еще сказала, что вокруг нее сейчас одни змеи ядовитые. Лариса пожалала плечами: жить в коммуналке и работать в магазине без ядовитых змей никак не получится.

Своего Ромео она видела во сне часто, но вместо радости это причиняло ей лишь новую боль. Дело в том, что по своим суевериям она пыталась все эти видения толковать, и получалось все очень плохо. Иванов снился ей больным, худым, бритым наголо, одетым в телогрейку. То снег, то дождь, то война, то голод – в общем, кошмары. Но однажды во сне совершенно посторонний мужчина подарил ей огромный букет чайных роз со словами: «Я знаю, что у вас не состоялось свидание. Это вам от него». И всё это происходило над чистейшим ручьем. Это очень хороший сон, сулящий надежду, очень! Следовательно, надо было ждать.

Прошел еще год. В доме снова запахло мандаринами – верный признак приближающегося Нового года. Рассказали товарки приметку – записать все свои желания на бумажку, в новогоднюю ночь их зачитать, а потом в течение года эту бумажку хранить. Лариса стала составлять список и на седьмом пункте запнулась – всё. Как мало надо для счастья! Ведь на самом деле все есть... кроме самого счастья.

Как токсикоман засовывает голову в пакет с зельем, так и она погрузилась в непроглядную темень своей души. Администрация гадюшника устроила маленький банкет перед праздником. Когда у Ларисы в десятый раз спросили, *почему ты такая грустная*, она всплила и скоро ушла. Общество стало ее раздражать. Даже в предпраздничной очереди она возненавидела всех и каждого. С одной стороны слышался робкий разговор жены с мужем:

– Давай шпротиков возьмем к праздничному столу...

– Я не стану фашистов рублем поддерживать!..

С другой почтенный старец требовал уважения и обслуживания без очереди:

– Мне девяносто лет, я ветеран и инвалид, а вы вместо того, чтобы почтить седины, мне хамите!

– Так это вы страну развалили, а теперь требуете уважения!.. – парировал молодой ехидный голосок.

С невероятными трудностями она закупила провизию для застолья, которое планировала провести дома. Одна. Кому надо, позвонят. Идти в гости было просто невыносимо. У одной подруги ей не нравится муж, у другой ребенок, третья сама осточертела хуже горькой редьки. Лучше быть одной и не портить никому настроение... Да и потом, она ведь все время ждала. Тщательно убирала комнату, красилась и, уходя на работу, была в твердой уверенности, что вечером вернется домой с ним. Что-то подвинулось в психике, и теперь она не знала, как будет жить, если все это окажется плодом воображения. Ах, если бы была абсолютная религия! Не христианство, не ислам, не иудаизм, а что-то настоящее, не вызывающее сомнений. Она сумела бы посвятить себя религии, если бы верила. Но как трудно верить! Вечно сомневаясь, мы идем путем философа, а не верующего.

И Ромео стал своего рода религией, хоть и языческой. Он совершенство, но свет, идущий от него, который видела Лариса, был важнее его совершенства. Это, конечно, уже из области мистики, но ведь и любовь из той же области. Она погадала себе на Новый год по Библии, и вот что вышло: «*Я поручил бы это дело Господу, Который творит такие чудесные дела*». И она доверилась Господу. Больше всего Лариса любила спать. И если бы ей суждено ждать его лет десять, то девять с половиной она хотела бы проспять. Проснуться только затем, чтобы успеть подготовиться к его приходу. И даже столь ожидаемая в обычных обстоятельствах весна ей сейчас не была нужна, не сулила радости. Все, что она делала, как-то согласовывалось с тем, что

он скоро (или не скоро) придет к ней. Своим ожиданием она писала свою историю, создавала главную поэму жизни – свою судьбу.

Задушевные разговоры со школьной подругой, ставшей наперсницей в этот окрашенный мистическим смыслом период жизни, звучали примерно так:

– Он не придет. Забудь. Живи на всю катушку.

– Даже если он *никогда не придет*, я не смогу жить на всю катушку. Уже не смогу. Слишком многое для меня заключено в нем, пожалуй, что всё. Всё сводится к тому, чтобы я встретила его, полюбила и пострадала. Так Богу угодно. В тот день и час я не была достойна счастья, я увидела его, поняла, в чем оно, но не была его достойна. И Бог ведет меня дорогой очищения. Через боль я осознаю сущность бытия, сущность любви. Постепенно я начинаю понимать женщин прошлого, которые могли ждать всю жизнь. Не могу сказать, что им было проще. Наверное, нет. Но они ведь и не представляли, что можно по-другому. Я-то знаю, что такое свобода, но отказываюсь от нее. Я несвободна – я влюблена. Но если моей любви не суждено стать взаимной, разделенной, Господи? Чего мы ждем? Для чего еще я должна жить? Господи! Дай мне знамение, чтобы я не сдавалась! Я не хочу сдаваться, я не умею...

Но Аля умела вернуть подругу на грешную землю:

– Знаешь, почему богоискательство так свойственно России? Потому что другие народы Бога не теряли.

– Но даже если смотреть рационально, без мистики – всё равно! Это как у Шопенгауэра. Воля. Жизненная сила. Инстинкт. Это моя вторая половина, моя идеальная половина – как ключик и замочек – другой не подойдет. Я не хочу терять. Во сне я боролась с борцом сумо – и победила. Во сне мы с Ромео сидим за столом и ждем, когда закипит чайник. (Свистка? Звонка?) Было одно наблюдение... наверное, когда сон рассказываешь, он глупым кажется, но попробуй вникнуть. Осенью я тебе уже рассказывала сон про Голопятницкое шоссе (Головинское и Пятницкое вместе), там еще автобус, конь, КПП. А потом был сон про «Пентагон», где мне посоветовали искать Ромео. И вот сижу я как-то на днях на работе, радио тихонечко слушаю. Рекламу передают: открылся клуб «Пентагон» на Головинском шоссе. Я не знаю, что и думать. Я никогда не верила в совпадения – у всего должен быть смысл. Еще сон: две церкви, православная и протестантская, обе на МКАД, но православная в Москве, а протестантская в Химках. И я выбрала ту, что в Химках. Смысл в том, что действие этого сна разворачивается на том же месте, где осенью мне снился КПП, и теперь, год спустя, там *действительно построили церковь*.

— Ну, хорошо, – говорила Аля, автоматически пропуская слова про Шопенгауэра и прочие умствования, – давай поедем в этот клуб, посмотрим хоть, может быть, он там дни и ночи тусуется, а ты себя изводишь, как Концепсия.

— Какая еще Концепсия?

– «Юнону и Авось» смотрела? Так вот в жизни Кончиту звали Концепсией.

И они собрались в пятницу посетить местный «Пентагон», но Лариса заболела. В следующую пятницу заболела Аля. Потом они поехали, но в метро рядом с ними сел пьяный бомж и бормотал:

– Куда вот ты собралась? Не надо тебе туда ехать, приключения только на свою жопу искать.

Девушки пересели в другой вагон, но там их обобрал карманник, и пришлось вернуться. Потом начались крупные проблемы на работе с приватизацией, и развлечения пришлось отложить. Потом Аля забеременела, и ей стало не до клубов. В общем, провидение не желало, чтобы Лариса нагрянула в «Пентагон», и она смирилась.

Радостная новость о прибавлении в Алином семействе совпала с ее же круглой датой – двадцать лет, однако Лариса, так доверчивоверяющая ей свои тайны, приглашена не была.

– Я прикинула, – простодушно признавалась подруга, – у меня двадцать человек гостей! Сажать некуда. Ты ведь не обидишься?

Лариса, скорее всего, не пошла бы, даже если бы ее пригласили, но такой циничный подход возмутил ее до глубины души. Она смолчала, но звонить подружке перестала, от встреч вежливо уклонялась, а слово «дружба» и вовсе вычеркнула из своего словарного запаса.

Время шло, магазин галантереи преобразовался в ТОО, человеческие отношения стали еще более рыночными, и мужчины в бордовых пиджаках стали хозяевами жизни. Один из них настойчиво предлагал Ларисе сниматься для рекламы колготок. Она лишь презрительно поморщилась, чем повергла его в глубокие раздумья – он ведь предлагал настоящие зеленые доллары. Через некоторое время он поднял планку и заговорил о ее русском лице, пушистых ресницах и предложил эпизодическую роль в кино, но Лариса поморщилась еще сильнее. Она была старомодна, и актерскую профессию презирала, как и подобает леди. Другой претендент, молодой армянин, открывший после реформ сеть ресторанов в Москве, выразался яснее: «Поедем, познакомимся с твоими родителями». Лариса представила себе эту картину и рассмеялась. Он истолковал смех по-своему и... стал рассказывать о своем материальном положении! Он не сказал, что любит ее. Он рассказал, как она будет жить замужем за ним. Но самое смешное, что Ларисиных подруг ее отказ *удивил*. То есть, если б она вышла замуж за господина Манукяна, они бы восприняли это как должное и с удовольствием погуляли бы на армянской свадьбе. А одна даже сказала:

– Вот мы и сидим с голой задницей, но зато с мечтой.

– Простите, девочки, но без мечты я уже жила. Мне не понравилось.

А вот в другой сфере кое-какие изменения наметились. Лариса поступила на заочный. Со второго курса можно было бы и работу поменять, методисты предлагали ей в этом помочь, но этого она сделать не могла: гадюшник на углу Сретенки и Бульварного Кольца, который она всей душой ненавидела, был единственным связующим звеном с ее Ромео. Он не знал ни ее телефона, ни адреса, ни даже фамилии. И когда он вернется из армии (впрочем, два года давно миновали, следовательно, из тюрьмы, что для нее было безразлично), он должен найти ее на том же месте, в том же форменном платье, с той же косой. И она продолжала смотреть на памятник Крупской.

Само собой разумеется, обычной судьбы у Ларисы быть не могло. Наследственность. Никто в их роду пассионариев не мог довольствоваться тихими семейными радостями. У кого-то было творчество, у кого-то идеология, у кого-то религия. Все женщины жили в исканиях, категорически пренебрегая кухней. Человек приземленный этого понять не сможет. Ей говорили, что нельзя постоянно жить в надрыве. Она отвечала, что Данте у врат Ада поместил тех, у кого нет надежды даже на смерть: тех, кто прожил жизнь, не зная ни позора, ни славы; жалкие души, которые не боролись.

– Я буду бороться, – говорила она, и ей снился роман с продолжением. Она на работе, в униформе. А он дворник, тоже в своей «униформе», то есть в телогрейке. И они налюбоваться друг на друга не могут, чуть не плачут от счастья. И он говорил такие вещи, которые услышишь – и умирать не страшно. Лариса ждала. На защите диплома профессор-историк Илья Ильич вдвое старше ее сделал ей предложение. Она попросила полгода подумать. Он согласился.

В стране утвердилась зеленая валюта. Миновал дефолт, уничтожив мелких предпринимателей и кооператоров, появилось в лексиконе обывателя слово «олигарх». Закончилось тысячелетие. Лариса тридцати лет от роду вышла замуж за Ильича, человека достаточно умного, чтобы ни о чем не спрашивать, и переехала наконец в новый район. Ее лет муж не замечал – для него она была девочкой, которую он радостно носил на руках. Трогательно картывые друзья мужа любили бывать в их доме, где за обе щеки уплетали отбивные из свинины. Она же, политически неграмотная, искренне думала, что некошерное – это то, что кошки

не едят, а потому не видела никакого противоречия в таких гастрономических пристрастиях гостей. Если визит друзей приходился на воскресенье, включали НТВ, смотрели «Намедни». И однажды в репортаже из Израиля она увидела Ромео, загорелого, с рыжей бородой, в камуфляже, с автоматом наперевес. Он отвечал на вопросы российского корреспондента о палестинских территориях. Умно отвечал, надо сказать. А друг мужа тем временем завопил:

– О, смотрите! Шурик Кац!

– Кац? – переспросила Лариса.

– Ты его знаешь?

– Он у меня лезвия покупал, гэдээровские, – поколебавшись ответила она. – А потом пропал. Я думала, на баррикады полез в августе 1991, потому что где-то в это время он исчез. А оказывается, вон как всё.

– Да его предки долго уговаривали уехать, а он со всеми разругался, потому что барышню себе нашел какую-то нееврейскую. Но когда она его обломала, со всеми помирился, согласился и уехал.

– И как же она его обломала?

– Да она всё из себя княжну Мэри строила, фу-ты-ну-ты, он на бензине экономил, чтобы этой фифе кольцо купить, а у нее любовник был. Ему вовремя ее подруги глаза раскрыли. – Лариса подняла бровь, и он поправился: – Ну, или коллеги по работе. Какая разница? Главное, что предупредили вовремя. Он прилетел на крыльях любви, с цветами, как дурак, а она на юг усвистела.

– Я?! – возмутилась Лариса, которая на юг первый раз в этом году съездила, с мужем.

– Ты?! – удивился Илья. – Это и есть тот самый Ромео, которому написаны тома стихов?

– Ромео?! – гость заржал. – Я ж говорю, Шурик Кац.

Так всё и разъяснилось. Сказать, что Лариса стала рвать на себе волосы или биться головой о стенку нельзя – слишком давно все было, слишком много воды утекло. Уходить в монастырь и давать обет молчания, как сделала упомянутая Консепсия, она тоже не стала. То, что подружкам доверять нельзя, она и так знала, по жизненному опыту, и без этой истории. Но, конечно, было немного грустно. Она была довольна своим браком, но тот... Тот мог бы быть и вовсе идеальным. Непонятно только, зачем он назвал себя Ивановым.

2006

Златоглазый сосед

Когда Марине было восемнадцать лет, она полюбила однажды и навеки того, кто, увы, не мог на ней жениться, но исправно сделал ей ребенка, несколько лет помельтешил то здесь, то там, однажды свозил ее и маленькую дочку на юг, а после и вовсе пропал. Недолгая жизнь с ним была столь богата на полярные эмоции, что теперь Марина совершенно о нем не скучала, скорее наоборот – завела кота, защитила диссертацию и наслаждалась покоем. Люся росла очень самостоятельной девочкой: с третьего класса Марина перестала проверять у нее уроки, с шестого – посещать родительские собрания, а с седьмого – готовить обед, благо рядом была столовая. Вместе они ходили только на теннисный корт и в кафешку за горячим шоколадом. Однажды, когда ничто не предвещало, за очередной дымящейся чашкой Люся сообщила, что выходит замуж, переезжает к мужу и кота с собой забирает.

Подготовка к свадьбе, само торжество, переезд молодых в новый дом – все прошло как в дыму. И вот миновал год, сидит Марина на диване, смотрит одним глазом вечерние новости с сигареткой в усталой руке, а в другой держит телефонную трубку, в которую лучшая подруга день за днем учит ее жизни – что готовить на ужин, как улучшить цвет лица и что делать с кармой.

Лучшие подруги – это такая особая категория отравителей жизни. Если у нее судьба не ладится, то вам на роду написано всю жизнь выслушивать ее жалобы на Господа Бога. Если же подруги – дамы семейные, домашние, хозяйственные – всё, пиши пропало, задолбают! Дружить и доминировать – не одно и то же. Но этим правильным и успешным необходимо всех осчастливить.

– Марина! Тебе через месяц сорок лет, пора подумать о себе. Ты для Люсечки сделала все, что могла, сделай теперь и для себя. Если ты сейчас замуж не выйдешь, то когда ж?!

– Таня, жить с молодым стыдно, а со старым – противно.

– А он почти твой ровесник, мужик видный, непьющий и дача у него большая, хозяйство справное.

– Чего ж он такой хороший и один?

– А ты чего такая хорошая и одна? Вот то-то же. Вдовец он. Дети взрослые уже, женатые.

– На справном хозяйстве жену ухондокал?

– Ну вот что ты теперь одна будешь делать? С работы приходишь, а дома пусто, тихо, никто тебя не ждет. Пока это еще Люська тебе внуков родит...

– Да типун тебе, Танюшка, на язык! Дай вздохнуть-то! Я, может, мечтала об этом времени, чтобы, наконец, латынь выучить!

– Ага, знаю я твою латынь! Сидишь куришь и в телевизор без звука пялишься.

– А хоть бы и так, какое кому дело?!

– Я о тебе забочусь! Ты же не пойдешь с Люськой в ночной клуб кавалеров кадрить. Тем более что ее теперь муж не отпустит. Ну что, я его зову на обед, да? Платье надень, а то придешь, как всегда, в штанах...

Конечно, если отбросить цинизм, то иногда, в самой-самой глубине души доцент Марина сожалела, что не было в ее жизни ни подвенечного платья, ни обручального кольца, ни сильного плеча, но которое можно было бы опереться. Но ее сожаление было не того рода, как у старых дев, которые думают, что замужем одно сплошное счастье, нет. Единственное, что требуется от мужчины, это быть поддержкой и опорой. В ее недолгом квазибраке поддержкой и опорой была она сама, а как перестала поддерживать, так брак и распался. И она понимала, что в «настоящих» браках все то же самое. Скорее, ее раздражал вечный статус матери-одиночки и банальнейшая мысль «чем я хуже других».

– Как звать-то?

– Игнат.

Маринка повесила трубку, но смеялась еще долго – и пока новости досматривала, и пока зубы чистила. Ну надо же, Игнат! «И дача у него большая, там, наверное, можно теннисный корт устроить... – продолжала она додумывать мысль, ложась под утро спать. – Точно! Я посмотрю, какого этот кент телосложения – если пузан, то пшёл вон, а если играть способен, то будем мы с ним спортивной парой!..» – это-то ничтожное обстоятельство и решило дальнейшую судьбу.

На обеде у Татьяны гость демонстрировал скромность, непривередливость в еде, хорошие манеры, угощал всех «своей дачной» малиной и говорил исключительно о даче и произрастающих там фруктах, зазывая Таньку с мужем и «ее очаровательную подругу» на шашлыки. Танькин муж Саша, лысый как колено, щуплый мужчина, в основном молчал – чтоб решать, есть жена, – и многолетние скорбные складки у рта, выражающие муку, как бы говорили: «Ну я попал!» Если он вдруг высказывал какое-то мнение, не совпадающее с Таниным, она шумно вздыхала: «Саш, ну ты дурак?!» Саша смеялся, как бы удовлетворенно подтверждая: да, попал. Уговорились поехать на следующее воскресенье. Марина любезно согласилась, ибо сложен гость был как бог. Марина неоднократно цитировала Шанель: «Как женщина выглядит в 20 лет, зависит от природы, а как она будет выглядеть в 45, зависит от нее самой», только считала, что и мужчин это тоже касается – запустившие себя особи ее не интересовали. Наш имидж – это то, что мы хотим поведать о себе миру. Если она прилагает усилия, чтобы быть в форме, то уж и он пусть постарается.

Татьяна, идеальная жена и мать троих детей, делала все возможное, чтобы свободного времени у нее не оставалось, и при этом непрерывно жаловалась, что времени нет «даже книжку почитать». Когда Марина писала свою диссертацию, ее вдруг осенило, что так поступают люди, которые боятся свободного времени – им не на что его употребить, нечем заполнить. И книжку они вовсе не хотят читать, и задатков творца не имеют – им не нужна свобода самовыражения, ибо выразить нечего. Иногда Марине казалось, что подруга так старается выдать ее замуж лишь потому, что завидует ее свободе: когда Татьяна несколько часов стояла у плиты, дабы накормить свою многоротую семью, Марина звонила и заказывала пиццу – и никто не смел вякнуть, что это вредно. Слава богу, вякать было некому.

На шашлыки к Игнату домовитая Татьяна везла три небольшие кастрюльки: с салатом оливье, с борщом и с киселем, и термос с Сашинными отварами из трав – у скорбного Саши был слабый желудок. Или он убедил Таню, что желудок у него слабый. Марина везла теннисные ракетки и по пути купила бутылку коньяка. Надо было проверить героя не только на спортивность, но и на эмоциональность – вдруг выпьет и чудить начнет, как и подобает настоящему русскому хозяину, да еще и с таким именем.

Она хорошо помнила момент, когда Люся собиралась в первый класс и привезли новенький полированный письменный стол. Марина отпустила грузчиков, и тут оказалось, что в маленькую комнату он не помещается – надо вытащить оттуда шифоньер. Марина дождалась «папу», накормила его ужином и вежливо попросила сделать небольшую перестановку. Как он бушевал! Он работает как вол, он света белого не видит, он приходит к домашнему очагу, надеясь на отдых, на тихую пристань, а ему здесь придумывают все новые и новые задания (накануне он наточил нож)! Когда Марина повторила свою просьбу, ибо уже завтра Люся должна приехать от бабушки, он раздавил стакан в руке, и из его ладони кровь полилась рекой. Замотав рану полотенцем, Марина погнала его в травмпункт, а сама – все когда-то в первый раз – занялась перестановкой мебели. Поставила ножки шифоньера в капроновые крышки и поехала. Но малогабаритные квартиры таят массу ловушек: в дверях шкаф застрял. И застрял тогда, когда Марина находилась в маленькой комнате. «Папу» оставили на ночь в больнице, дочь на даче с бабушкой, а телефон в прихожей. Амазонка подергала проклятую мебель, потрясла –

встал намертво. Села на детскую кроватку, всплакнула, прокляла Хрущева, но скоро осознала, что это непродуктивно. Заметила сверху между шкафом и дверным проемом зазор сантиметров двадцать, поразмыслила, подставила стул и полезла в этот зазор. Пролезла! Вот что значит держать себя в спортивной форме! И шкаф вытянула! Да только этот чудак на букву М, когда из больницы вернулся, был уверен, что она любовника пригласила мебель передвинуть. И вполне естественно, что теперь Марина с большим подозрением относилась к излишне эмоциональным мужчинам.

Но тут все оказалось еще более неожиданно. В тот день был церковный праздник – Троица. По деревне, где была «дача» Игната, ходили в меру чумазые дети с березовой веткой, украшенной лентами и пели какие-то подблюдные песни, а хозяин дома одаривал их мелочью и конфетами (мелочь, скорее всего, тут же тратилась ими на курево). И, судя по иконам в доме, был православным. К религиозным людям Марина относилась еще более настороженно, чем к эмоциональным. В раннем детстве она своими глазами видела, как ее бабушка с дедушкой, наверняка бывшие когда-то комсомольцами, дрались табуретками из-за разницы в толковании Символа веры. А Игнат-то коньяк гостям подливает, а сам спрашивает:

– Марина, а вы в церковь ходите?

– Я радуюсь жизни и стараюсь радовать других, я учу молодежь ценить жизнь во всех ее ипостасях, я создаю красивые вещи из всякой чепухи и кормлю бездомных собак – и это моя религия. Не старайтесь убедить меня, что христианство лучше. Жизнь слишком ценная, чтобы посвящать ее всю целиком чему-то одному. Если Богу было угодно сделать ее столь разнообразной, то мы должны познать ее во всем разнообразии.

«А христиан во всяком обличьи за то и не люблю, что они это отрицают. О сакральном говорят шарлатаны, чтобы запутать, ибо существование Бога – очевидно, а не сакрально. Сакральное – это когда некто заявляет, что с ним вчера говорил Господь, велел передать то-то и то-то», – додумала Марина, но промолчала.

Игнат поджал губы. Доцент Марина давно знала, что женский ум выставлять не надо – он отвлекает внимание от фигуры, а ее фигура лучше всего видна в движении, и потому тут же вручила Игнату ракетку и повела на лужайку играть. Хозяин скинул рубашку и оказался, выражаясь языком «Илиады», косматовласатый, загорелый, с бицепсами, как голливудский герой. Лужайка была за забором, и на ней паслись козы, а весь участок был засажен картошкой и капустой. Вот если бы тот солнечный квадрат засеять канадской травкой, отличный вышел бы газончик...

В общем, испытание Игнат прошел.

– Анна Иоанновна, племянница Петра Первого, носила венец безбрачия. Ее прокляла обиженная на весь свет старушка. Супруг царевны скончался через месяц после свадьбы и нового не предвиделось. Но она была большая любительница разных заговоров и сумела на всю жизнь привязать к себе Бирона.

– Как я могу быть уверена, что смогу жить с ним всю жизнь? Может, он заставит меня хиджаб носить и посты соблюдать?!

– Ну и пособлюдаешь, не рассыплешься! Вот, смотри. – Татьяна дала подружке замочек для чемодана, размером с ноготь, – На порог положишь, ковриком прикроешь, а когда он перешагнет – ну, вон, в комнату пройдет, – ты замок запри. А ключик вечером в канал брось. Вот, слова выучи, которые нашептывать надо, а замок потом хранить при себе.

– Таня, кто тебя этой ереси научил? Ты же технический вуз окончила!

– Дура! Доцент, а такая дура! Это же работает. Если мы не знаем секрета ДНК, это не значит, что этой фигни не существует. Так же и с магией. Я не знаю, как это работает, но работает. Я и моему негодяю замок клала на порог – двадцать лет в браке.

– И тебе никогда не хотелось его убить за эти двадцать лет?

– Ты что, у нас же дети!

– Как сказал Гомер Симпсон, семья – это гроб, а дети – гвозди в его крышку. Тань, а если ключик не выбрасывать? Убрать, к примеру, на антресоли, а когда понадобится, вынуть...

– Почему я тебя терплю?! – Таня закатила глаза.

Свадьба была негромкой, домашней, а свадебное путешествие – на дачу, с теннисными ракетками под мышкой. Марина легко уговорила Игната весной картошку не сажать, а на участке сделать корт.

– В хорошую погоду играть будем, а в плохую в музеи ходить, по Золотому Кольцу путешествовать и в ММДМ концерты слушать! – восторженно щебетала обретшая свое долгожданное счастье Марина, а Игнат соглашался и находил ее инициативы правильными:

– А то что же, так пашешь-пашешь, и вся жизнь пройдет.

Идиллия была полной. Весь год.

После годовщины свадьбы, которую отмечали на даче с Татьяной, ее непьющим мужем и шашлыками, Игнат попросил куриного супчика и овсяной каши.

– У меня желудок слабый. Мне пиццу нельзя. И вообще, надо бы капусту посадить, свеклу, морковь, зеленушечки. Нет ничего лучше овощей со своего огорода.

– Игнат, мы можем позволить себе покупать овощи. Зачем же корячиться?

– Марина, ты, конечно, несколькими доводами можешь доказать, что я козел – вас этому в университете специально учили. Но я привык – и мне не в тягость! – работать на своей земле. Старую обезьяну не научишь новым фокусам.

В общем, теннис накрылся. Однако за год Марина к Игнату привыкла, мужем он был образцовым, не пил, не курил, все в дом нес, сделал в ее квартире небольшой ремонт, и придираться к нему из-за слабого желудка было бы неразумно. И поскольку разум Марина считала высшим смыслом существования, то смирилась. Сначала стала помогать мужу на огороде, а после увлеклась цветоводством – такие клумбы развела, что соседи от зависти полопались. Но когда поспела смородина, Игнат предложил пригласить Татьяну:

– Она такое варенье варит – пальчики оближешь?

– Как-то это неудобно, с чего бы это ей для нас варенье варить, выходные тратить?

– Тратить! Эх, Марина, в этом ты вся! Да для нее это удовольствие! И к тому же мы с ней родственники.

Глупый родственник хуже умного врага. Вот именно из-за таких Танек-наседок мужики и думают, что домашнее хозяйство для жены – это одно сплошное удовольствие! Когда преступник сидит в тюрьме, у него есть свет в конце тоннеля: вот выйду и буду жить, как мне хочется. У домохозяйки света в конце тоннеля нет. Пока она младших детей на ноги поставит, ей старшие внуков подкинут, и домашние дела не кончатся никогда. Как всякий совершенный мужчина Игнат совершенно не понимал мотивацию женщины, а уж предположить, что у бабы могут быть какие-то другие интересы помимо дома, и подавно. Короче, Марина не допустила подругу на свою кухню, а, проклиная все на свете, к следующему году сама научилась варить «охрентельное» варенье и не только. Однако чтобы снять такой стресс, ей необходима была моральная компенсация. Уже три года она ездила в гости к дочери – стыдно сказать! – чтобы поиграть с котом. Это была для нее наилучшая форма разрядки. И она предложила Игнату взять котенка. Марина прикармливала нескольких возле дачи, и один ей очень приглянулся.

– Давай вот этого рыжего к себе возьмем. Он уже на Ваську откликается.

– Ты что?! У меня же аллергия! Я от их шерсти задыхаюсь, слизистая отекает.

Такой подянки Марина не ожидала. Ну ладно, огород. Ну ладно, куличи и яйца на Пасху. Варенье, супчики и каши. Но не иметь возможности завести кота?! Никогда?!

– А ты Люсю попроси, – продолжал Игнат, не видя выражения ее лица, – она тебе внучков народит, будут они к нам на все лето приезжать, а мы будем с ними играть...

Марина уже не слушала, уходя в глубь сада к своим цветникам. Там она отдышалась и привела пульс в норму. Внуков он захотел, кретин! Да одних воспоминаний о детском крике Марине было более чем достаточно. Когда она слышала, как плачет котенок, она тут же оглядывалась, шла на зов и по возможности кормила, помогала, успокаивала. Но когда верещали соседские дети, злоехидные твари, она делала громче радио.

Вообще, свой курс антропологов она учила тому, что в любви к детям разум не участвует – это инстинкт: «Размножение – функция, такая же, как есть, пить и испражняться. Мы же не говорим, что в этом смысл нашей жизни. Потому что смысл там, где отличие человека от животного. Подлинная форма человеческой жизни – сознание. Интеллектуальная жизнь – главная. Без нее человек чахнет, если конечно он не смирился с жизнью скотской, когда создание себе подобных – единственная радость. Семейная жизнь – скотская, нравится вам это или нет. Удовлетворив основные потребности, человек снова недоволен, даже если не понимает, чем именно. Должно быть что-то помимо, чтобы реализоваться как человек, как творец. Если вы пьете, едите, народили детей и тщательно их воспитываете, то вы реализовались только как животное, т.е. послужили на благо своему биологическому виду. Но если бы это было целью эволюции, то она остановилась бы, скажем, на крысах – они тоже отлично размножаются и умеют выживать и приспосабливаться. Выдры – такие педагоги, что вам и не снилось. Если природа дала нам интеллект, то надо им пользоваться, а не то атрофируется!» Здесь студенты обычно ржали. Вспоминая все это, Марина нарвала цветов и уехала в Москву. Обиделась. Неделью они с Игнатом не разговаривали, а потом все снова вошло в свою колею – супчики, кашки, варенье, новости по телевизору.

В дачный сезон Игнат был непрерывно занят своим огородом, а вот зимой вел образ жизни, несовместимый с Мариниными понятиями. И она стала придумывать ему хобби. Бесконечные ее стеллажи с книгами внушали ему уважение и ужас одновременно, и потому он к ним не подходил. И тогда Марина стряхнула пыль с шахматной доски. Ничего не вышло – на пятнадцатой минуте матча Игнат неизменно засыпал. Марина не сдавалась и подарила мужу на Новый год гитару. До середины марта он разучивал три аккорда, а, учуяв весну, стал выращивать рассаду на подоконниках и о гитаре забыл. Ладно, на своем огороде он – творец. Марина махнула рукой.

Были у Марины библиотечные дни – не каждый день она лекции читала, иногда и дома оставалась книжицу полистать. В один из таких дней, вынося мусор, она встретила на лестнице красавца писаного – сам весь золотистого цвета, и глаза золотые. Погладила, за ушком почесала, а он и растаял, замурлыкал. Оторваться от ласкового зверя было невозможно: то ли ему дома мало внимания уделяли, то ли увидел в соседке родственную душу, только урчал он, как мотороллер, притормозивший на светофоре: вот-вот сорвется с места и взлетит. Котьяра даже перевернулся на спину, давая почесать роскошное белое брюшко. Марине было жаль валять чистого кота по грязной лестнице, она пригласила его в квартиру, и они около часа наслаждались роскошью общения, пока на площадке не послышалось хозяйкино «кыс-кыс Маркиз». Оказалось, этот аристократ из квартиры напротив. Марина выпустила его, с тоской посмотрев вслед, пропылесосила квартиру, чтобы Игнат не задышался, и пошла готовить ужин. Чувствуя душевный подъем, решила приготовить любимому мужу плов, но в доме не оказалось риса. «Не вихлять же из-за этого в магазин. Да и не успею уже. Ладно, вермишелькой обойдется!»

Теперь все ее библиотечные дни неизменно проходили со златоглазым соседом. Если на площадке хлопала дверь лифта, Марина вздрагивала – пресная «скотская» жизнь была сильно скрашена привкусом адюльтера. Когда Игнат спрашивал, чем она занималась весь день, неверная жена неизменно отвечала:

– Весь день по хозяйству, аки пчела, в трудах и заботах, вон блинков напекла, котлеток нажарила, – хотя и то и другое купила в отделе кулинарии «Ашана». Конечно, так не могло

продолжаться вечно, и однажды она не успела пропылесосить ковры после своего волосатого любовника, и ночью Игнату стало плохо. Антиаллергенных лекарств в доме было завались, проблему решили, но сам факт неприятен. Несколько дней Марина мучилась угрызениями совести и Маркиза к себе не пускала, но он сидел на пороге и скучал – видимо, его хозяйка не умела играть с ним так, как это делал доцент-антрополог. Сердце ее не выдержало – открыла дверь и предалась страсти. К вечеру у нее были настолько исцарапанные руки, что пришлось что-то врать мужу – к дочери ездила, с ее котом играла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.